

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-130-135

УДК 1; 94

Антон Крутиков

Трудное расставание с «имперскостью»

Аннотация. В рецензии рассматривается новая книга немецкого историка Й. Бёлера, посвященная борьбе за имперское наследство в Центральной Европе по окончании Первой мировой войны. Проблема конструирования новых национальных идентичностей в пограничном пространстве трех рухнувших империй оказалась напрямую связана с политическим и военным противостоянием нескольких национальных проектов. «Центром событий», с точки зрения автора рецензии, было возрожденное польское государство, при том что, как утверждает Й. Бёлер, в 1918 г. единой польской нации не существовало.

Ключевые слова: Йохен Белер, Центральная Европа, Польша, Первая мировая война, гражданская война, национальная идентичность, национальное самосознание.

Рецензия на книгу: Böhler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. – Oxford. 2018. (Бёлер Й. Гражданская война в Центральной Европе, 1918–1921. Возрождение Польши. – Оксфорд. 2018.)

Крушение любой империи, как правило, вызывает хаос и оставляет после себя территории, которые рано или поздно становятся «полями сражений» за ее наследство. Масштабы и характер этой борьбы могут различаться и зависеть от конкретных исторических условий, но само ее наступление неизбежно.

Эту простую истину германский историк Йохен Бёлер формулирует уже на первых страницах своей новой книги. Автор, известный работами, посвященными Второй мировой войне, на этот раз обращается к более ранней эпохе и рассказывает о политическом и военном противостоянии нескольких национальных проектов, раскинувшихся от Одера до Днепра.

История постверсальской Европы включает в себя судьбы новых национальных государств, возникших на обширных пространствах трех рухнувших тогда империй. В их создании воплотились самые смелые идеалы лидеров Антанты, безраздельно господствовавшие после знаменитой «январской речи» президента США Вудро Вильсона. Именно тогда был выдвинут новый принцип национального самоопределения народов – по словам австрийского военачальника Арца фон Штрауссенбурга, «вскру-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич – историк, научно-просветительский проект «Западная Русь»; bialyorzal1000@gmail.com.

жившие всем голову 14 пунктов». Они легли в основу государственного строительства в Центральной и Восточной Европе в 1918–1921 гг., но одновременно послужили основой для будущих межнациональных конфликтов.

Как утверждает Бёлер, ключевые для данного региона понятия «нация» и «империя», оказывается, далеко не всегда вступают в противоречие друг с другом.

Проблема преемственности во взаимоотношениях нации и империи представляет для автора особый интерес. Она рассматривается в ретроспективе, начиная с XIX столетия. Постепенно подводя читателя к фундаментальным изменениям, произошедшим в Европе в конце Первой мировой войны, Бёлер приходит к необычному и даже парадоксальному выводу: «национализм» в Европе до 1914 г. развивался в основном в рамках имперских проектов. В качестве типичного примера такой «национальной империи» автор называет Германскую, созданную в 1871 г. как прообраз «национального государства немцев, которое, однако, очень быстро проявило имперские амбиции» [Böhler, p. 17]. В начале XX в. усиление «национального самосознания» среди титульных наций подобных империй в Центральной и Восточной Европе привело к их дезинтеграции и утрате государственности. При этом монархи Германии, Австро-Венгрии и России сами зачастую способствовали «эмансипации наций». «Преследуя национальные группы, – пишет Бёлер, – реальные либо вымышленные, внутри своих империй, отказывая им в равноправии, ставя под вопрос их лояльность, они создавали новых национальных героев, новые мифы и объекты национальной памяти» [Böhler, p. 16]. А древний монархический принцип «divide et impera» оказался тем оружием, которое успешно использовали в своей борьбе не только имперские власти, но и «национальные активисты» [Там же].

Используя национальный фактор в качестве своеобразного «тroyанского коня» против центральноевропейских монархий, Антанта добилась эффектной победы в 1918 г. Однако итоги этой борьбы, устраивавшие в первую очередь местные национальные элиты, не привели к установлению в Центральной Европе прочного и справедливого мира. Новые национальные государства, возникшие в 1918 г., унаследовали очень многое от своих предшественниц-империй, что проявилось в первую очередь в их безудержном стремлении к расширению границ. По мнению автора, центральноевропейские государства в 1918–1921 гг. действовали как «мини-империи», а их отличие от империй «настоящих» заключалось лишь в том, что они были демократиями, а не монархиями. Впрочем, в 1920-е годы это отличие стало размываться, так как многие страны вступили на путь развития авторитаризма, «следуя общеевропейскому тренду» [Böhler, p. 18]. Демократические институты со второй половины 1920-х годов постепенно отходили на второй план.

Выводы автора во многом совпадают со взглядами известного чешского историка Яна Крже́на, утверждавшего, что в Центральной Европе «политические институты часто опережают социальную реальность». По этой причине поверхностное заимствование западных образцов и «имплантация» западной парламентской демократии в странах региона после 1918 г. оказались крайне недолговечны и неудачны [Крже́н, с. 25].

Амбиции Польши и Чехословакии не раз ставили Европу на порог нового большого конфликта. Вполне справедливым представляется замечание автора об их «имперскости», если вспомнить высказывание будущего президента Чехословакии Эдварда Бенеша, называвшего польское государство «Балканами Центральной Европы» и сравнивавшего его с Австро-Венгрией. А премьер-министр ЧСР Карел Крамарж еще в ноябре 1918 г. предупреждал, что польский вопрос является для Чехословакии «одним из опаснейших». «Мы не можем обойтись, – писал Крамарж министру иностранных дел Э. Бенешу, – без восточной Силезии, без ее угля [...]. И, как мне кажется, от Антанты мы заслуживаем большего понимания» [Beneš, s. 512].

«Имперскость» новых государств проявилась и в их отношении к национальным меньшинствам, причем положение этих меньшинств и в «авторитарной» Польше, и в «демократической» Чехословакии было далеко от идеала. Автор подчеркивает, что новые границы прошли через регион с мультикультурным и многонациональным населением и не соответствовали реальной этнической карте. Национальные меньшинства составляли значительную долю населения Польского и Чехословацкого государств, взаимно обвинявших друг друга в нарушении прав «соотечественников». В итоге «Тешинский вопрос», вызвавший конфликт 1918–1919 гг., и положение судетских немцев стали роковыми в судьбе Чехословакии, а Польша смогла пережить ее всего на один год.

Особенный интерес для Бёлера представляет возрожденное польское государство, так как именно оно было в 1918–1921 гг. «центром событий».

В 1918 г., утверждает Бёлер, не существовало никакой единой польской нации. Автор признает существование на территории Польши множества мелких «локальных идентичностей», а само понятие «национальность» для жителей ее пограничных районов считает практически неактуальным. До 80% населения Польши составляли крестьяне, жившие в рамках традиционной культуры. «Нам практически ничего не известно, – пишет Бёлер, – об их отношении к независимости и государственному строительству в начале века». В качестве примера автор приводит роман известного польского писателя, Нобелевского лауреата Владислава Реймонта «Мужики» («Chłopi»), опубликованный в 1904–1909 гг. и описывающий крестьянскую жизнь в «русской Польше». По словам Бёлера, это произведение погружает читателя в архаичный мир, «практически свободный от истории, политики и социальных изменений», в котором местный диалект является единственным маркером, «определяющим идентичность героев и самого рассказчика» [Böhler, p. 23].

Мы ничего не знаем и о том, продолжает Бёлер, сколько крестьян сохранили лояльность своим монархам до самого конца Первой мировой войны. Автор высказывает предположение, что их число было значительным. После 1918 г. крестьяне Центральной Европы были вынуждены расстаться со своей «имперской мультикультурной идентичностью», и им оставалось лишь приспособливаться к тем новым национальным конструкциям, внутри которых они себя обнаружили, и к новым границам между ними.

Таким образом, заключает историк, мечта о польском суверенитете была в первую очередь мечтой аристократии, успешно мутировавшей в XIX в. в интеллигенцию и сохранившей связи между тремя частями бывшей Речи Посполитой. Именно интеллигенция оказалась у истоков создания независимого польского государства в 1918 г., а многомиллионные крестьянские массы были вовлечены в этот процесс значительно позднее [Böhler, p. 24].

Для жителей белорусско-польского и польско-украинского пограничья, считает Бёлер, было характерно наличие сразу нескольких идентичностей. Показательным является пример известного повстанческого атамана Станислава Булак-Балаховича, чья идентичность в 1918–1921 гг. эволюционировала от русского офицера-монархиста к «верному сыну белорусского народа» и поляку-католику, ставшему бригадным генералом польской армии. «Принимая во внимание его достаточно прагматичный подход к этничности, это не стоило ему больших усилий» [Böhler, p. 193]. То же справедливо и для его знаменитого современника – писателя Сергея Пясецкого (Sergiusz Piasecki), который выучил польский язык в 35 лет и родным языком которого всегда оставался русский.

Подобные примеры, считает автор, прекрасно иллюстрируют феномен «Кресов», жители которых, несмотря на все усилия властей по «национальному конструированию», так и не смогли сделать выбор в пользу одной из своих идентичностей. Они, отмечает Бёлер, могли быть «законопослушными гражданами днем и контрабандистами ночью», использовали в своей частной жизни русский язык, а в публичном пространстве – польский, посещали униатскую церковь и при этом называли себя православными [Böhler, p. 191]. До середины 1920-х годов любые попытки властей по модернизации и этнизации населения «Кресов» оказывались неэффективными. А польский Восток в целом (автор вводит даже новое понятие *Wild East*, по аналогии с Диким Западом в США) представлял собой удивительный и «загадочный мир, блестяще описанный в романах Пясецкого» [Böhler, p. 192].

Одна из глав работы Бёлера носит весьма характерное название: «Как мобилизовать польскую нацию». Автор показывает, насколько сложная задача стояла перед партией «активистов», поднявшей национальные флаги в Варшаве в ноябре 1918 г. Большинство польских крестьян, считает историк, не доверяли национальному проекту и не спешили вставать под знамена формирующейся польской армии. Хотя польские легионы сыграли важную роль в возрождении государственности, они формировались по разные стороны линии фронта правительствами противоборствующих империй. Понадобились годы, чтобы создать единую польскую армию с эффективным командованием, но и впоследствии она очень долго испытывала недостаток кадров. А многочисленные парамилитарные формирования не всегда могли эффективно защищать границы. Кроме того, как утверждает Бёлер, еще в декабре 1919 г. генерал-инспектор инфантерии польской армии подполковник Токажевский-Тарасевич подготовил секретный доклад, в котором рекомендовал не допускать в Войско польское «иностранцев». Под таковыми подразумевались в первую очередь лица еврейского происхождения [Там же].

Рассуждения Бёлера прекрасно иллюстрирует знаменитый польский агитационный плакат периода советско-польской войны с лаконичной подписью: «Hej, kto polak!» Сам плакат изображает объединенных в едином порыве крестьянина, рабочего и солдата. Такая картина соответствовала воображаемому идеалу польской нации, но не исторической реальности.

Эти обстоятельства представляются весьма важными для описания конфликта 1918–1921 гг., в котором народы оказались в большей степени жертвами, нежели участниками. «Борьба за границы» стала трагедией для жителей восточных и западных «Кресов», которые оказались разделены новыми национальными барьерами. Эта борьба была в первую очередь борьбой элит, и не удивительно, что никакого справедливого разграничения по ее итогам не произошло. Урегулированные Антантой конфликты в Галиции, Силезии и Познани принесли лишь временный компромисс, который не устраивал ни одну из сторон. Вводя термин «Центральноевропейская гражданская война», автор настаивает на преемственной связи ее событий с Первой мировой. Режимы, делившие имперское наследство, использовали в основном военный потенциал, накопленный в 1914–1918 гг., и продолжали военный опыт тех лет. Война стала серьезной угрозой существованию новых государств: даже представители одной национальности часто оказывались по разные стороны баррикад. Для поляков ирония заключалась в том, что только советское вторжение 1920 г. заставило их консолидироваться и встать на путь построения централизованной и во многом авторитарной Второй Речи Посполитой.

Значительной проблемой для мирного населения стали бывшие военные и члены парамилитарных формирований. Бёлер называет эту проблему «эффектом демобилизации». Опыт, который получили легионеры в 1914–1918 гг. и позднее, в период гражданской войны, не позволил им вернуться к полноценной мирной жизни. Их пацификация оказалась временной и была несовместима с современными требованиями демократического парламентского государства. Пребывание в легионах Пилсудского принесло этим людям «чувство элитарности», которое не было «ни национальным, ни демократическим». Оно было чувством превосходства. Бывшие военные и парамилитарии оказались главными участниками всех последующих кризисов и опорой нарастающего авторитаризма, начиная с событий в Вильнюсе в 1920 г. и заканчивая майским переворотом 1926 г. Кризис, вызванный господством правых в польском Сейме, привел этих людей к разочарованию в демократических ценностях и институтах. Конфликт 1918–1921 гг. продолжился в форме политической борьбы в межвоенные годы, а также вылился в противостояние государства и национальных меньшинств. Кульминацией этой борьбы стала гибель первого законно избранного президента Польши Габриэля Нарutowича (литовца по происхождению) спустя всего семь дней после его избрания в декабре 1922 г. Последующие события показали, полагает Бёлер, что процесс «демобилизации» не был завершен и в любой момент мог быть развернут вспять, когда одна часть вооруженных сил «конфликтовала с законным правительством»¹ [Böhler, p. 193].

1 В ходе майского переворота 12–15 мая 1926 г. маршала Юзефа Пилсудского поддержала часть польских военных и социалистическая Рабочая милиция Варшавы. На стороне законного президента Станислава Войцеховского выступили подразделения польской армии, сохранившие верность присяге. Итогом трехдневных боев стало поражение законного правительства.

Тематика, затронутая автором, весьма актуальна и для российского читателя. Колоссальные пограничные пространства – «borderlands» в терминологии Бёлера – стали ареной не только национального противостояния, но и многочисленных социальных экспериментов, предпринятых по обе стороны советско-польской границы после 1921 г. Как убедительно показал в своей работе Йохен Бёлер, события 1918–1921 гг. послужили основой для будущих вооруженных конфликтов и территориальных споров и стали предвестниками сентябрьской трагедии 1939 г.

Литература

Кржжен Я. Центральная Европа в европейском историко-географическом контексте. // Неприкосновенный запас. 2007. № 6(56) . С. 25–31.

Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha, 1929. Díl III. S. 512–513.

Böhler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. Oxford. 2018.